

УДК 930.1(47)"18"

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ XVIII ВЕКА
В ОЦЕНКЕ ИСТОРИКОВ РУССКОГО ПРАВА***В.В. Астафьев***Аннотация**

Статья посвящена оценке российской историографии XVIII столетия в трудах выдающихся историков русского права Н.П. Загоскина и Д.Я. Самоквасова. Анализируются лекционные курсы по истории русского права, даётся характеристика подходов историков права к вопросам развития исторической науки в России. Сделан вывод о значительности вклада Н.П. Загоскина и Д.Я. Самоквасова в изучение истории российской историографии указанного периода. Представляется, что работы историков русского права должны обязательно учитываться при написании трудов по истории исторической науки в России.

Ключевые слова: историки русского права, российская историография XVIII века, историко-юридическая школа, норманнская теория, В.Н. Татищев, Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер, И.Н. Болтин, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин.

В современных учебных пособиях по историографии истории России дореволюционного периода довольно значительное внимание уделяется анализу трудов представителей государственной (или же историко-юридической) школы, однако вне поля зрения исследователей остаются работы историков русского права. При этом совершенно не учитывается, что в труды по истории русского права, как правило, включался специальный раздел, посвящённый истории становления и развития исторической науки России. Анализ лекционных курсов ряда выдающихся историков права XIX в., например М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.П. Загоскина, Д.Я. Самоквасова [1–4], показывает, что в этих курсах уделяется немало места анализу истории исторической науки в России.

Наличие специальных разделов по историографии в этих курсах объясняется тем, что история русского права зарождалась в лоне исторической науки (её зачинателем считается историк Г. Эверс, который впервые заявил о большой значимости анализа законодательных источников для объективного освещения истории Древней Руси). По мнению историков права, без анализа истории становления и развития исторической науки в России невозможно понять и объективно оценить процесс формирования истории русского права как науки (см. [2, с. 17]).

Например, Н.П. Загоскин так объяснял причины своего обращения к истории исторической науки России: «Самостоятельная разработка истории русского права как науки появилась не ранее конца 20-х годов текущего [то есть XIX] столетия. До этой поры наука наша [имеется в виду история русского права]

не выходила из области общей русской истории, вследствие чего начало её стоит в самой тесной связи с русской историографией XVII и первой четверти XIX столетия. Это обязывает нас познакомиться с зарождением и ростом нашей историографии, поставив в связи с этим вопросы и развития истории русского права» [2, с. 17].

Наиболее полный анализ истории развития исторической науки в России содержится в курсах по истории русского права Д.Я. Самоквасова и Н.П. Загоскина. Так, Д.Я. Самоквасов целых две главы в первом томе своего многотомного курса уделил вопросам истории русской исторической науки, но так как этот том он посвятил «началам политического быта древнерусских славян» [3], то, соответственно, в этих главах в основном анализируются воззрения русских историков на историю Древней Руси.

В процессе этого анализа Самоквасов выделяет восемь направлений, существовавших в русской исторической науке в XVIII – XIX вв. Все эти направления он рассматривает в хронологической последовательности, анализируя, правда, только взгляды «наиболее типичных представителей каждой группы и... важнейшие различия в воззрениях учёных одной группы» [3, с. 2]. Однако Д.Я. Самоквасов не только характеризует взгляды историков на историю Древней Руси, но и даёт оценку их исторических воззрений в целом.

Однако лишь Н.П. Загоскин в названии соответствующего раздела использует термин *русская историография*. Впервые ещё в его литографированном лекционном курсе по истории русского права, который он прочитал в 1886/1887 уч. г., появился «Очерк развития русской историографии» [4]. Затем в 1899 г. в первый том многотомной «Истории права русского народа» (Загоскин предлагал издать этот курс в 12 томах. – В.А.) он поместил специальный раздел «Русская историография в связи с зарождением и первоначальным развитием русского историко-юридического знания» [2, с. 17]. Как видим, Н.П. Загоскин поставил перед собой более широкую задачу – *осветить историю русской историографии «в связи с зарождением и развитием русского историко-юридического знания»* [2, с. 17].

В то же время если Д.Я. Самоквасов анализ русской историографии начинает с работ В.Н. Татищева, то Н.П. Загоскин историю развития отечественной историографии прослеживает с XVI – XVII вв. Подробный разбор исторических сочинений у Загоскина открывает рассмотрение «Синописа», первой печатной учебной книги по русской истории, вышедшей в 1674 г. Правда, он подчёркивает, что вплоть до первой четверти XVIII в. исторические сочинения представляли собой лишь «более или менее обширные сборники событий и фактов русской истории» [2, с. 17–18]. Научная же разработка русской истории, согласно Загоскину, начинается только со второй четверти XVIII столетия и осуществляется в основном немецкими учёными, приехавшими в Россию в связи с открытием Академии наук.

Известных историков Г.З. Байера, Г.-Ф. Миллера, А.-Л. Шлёцера Загоскин называет основателями *немецкой школы* в изучении русской истории, которая «надолго затормозила самобытное национальное развитие отечественной истории» [2, с. 25]. Тем не менее он признаёт, что именно эти учёные внедрили в русскую историю научные методы обработки источников и что даже односторон-

ность и тенденциозность их подхода к истории России принесли определённую пользу, так как «возбудили горячие споры по многим вопросам древней русской истории и послужили поводом к самому тщательному смотру, критике и изучению её первоисточников» [2, с. 26].

В противовес этой школе в середине XVIII века в русской исторической науке, согласно Загоскину, зародилась *славянская школа*, основателем которой явился М.В. Ломоносов [2, с. 26]. В то же время первым отечественным историком, отмечает Загоскин, следует считать В.Н. Татищева, однако его «История» представляет «не столько историю, сколько свод русских летописей и других источников, снабжённый комментарием» [2, с. 27]. Главное значение «Истории» Татищева, по мнению Загоскина, определяется тем, что автор обработал «значительное количество древних списков летописей и других источников, ныне уже не существующих» [2, с. 28]. При этом он полагал, что следует крайне осторожно использовать материалы из «Истории» Татищева, поскольку последний «не всегда критически относился к источникам» [2, с. 28].

Напротив, Д.Я. Самоквасов, определяя место В.Н. Татищева в истории русской исторической науки, писал, что «до Татищева русская история не была наукой, не только положительного знания, но даже в смысле теории» [3, с. 77]. Русская история, согласно его точке зрения, до Татищева «представляла собой, с одной стороны, накопление фактического материала, в виде летописей, а с другой, сочинения новейшие, в которых умышленная ложь, басни, ошибки незнания и историческая правда были перемешаны в таком беспорядке, в каком не было никакой возможности отделить историческую правду от вымыслов фантазии и ошибок незнания» [3, с. 77].

Данное состояние науки источников, полагал Самоквасов, и обусловило задачи, которым следовал Татищев в своей «Истории»: «во-первых, определить качества хорошего учёного, беспристрастного историка, а следовательно, определить и качества хорошей правдивой истории; во-вторых, определить время, с которого начинается история обитателей нашего отчества, и разделить русскую историю на периоды; в-третьих, собрать фактический материал русской истории и расположить его в систематическом порядке, по историческим эпохам» [3, с. 78].

Д.Я. Самоквасов, так же как и Н.П. Загоскин, подчёркивает необходимость критического подхода к материалам, используемым Татищевым в его «Истории». Однако он категорически возражает против резкой и неоправданной критики работы Татищева, которая была свойственна А.Л. Шлёцеру и его последователям. Так, Д.Я. Самоквасов пишет: «Материалы, собранные Татищевым, были заподозрены Шлёцером и его последователями не только в неполноте и неучёности, но даже в подлогах. Что касается последовательного обвинения, то новейшими историками уже осознана его неосновательность. Столько же неосновательным нам кажется обвинение труда Татищева в неполноте и неучёности» [3, с. 79]. Как известно, особенно резкой критике Шлёцер подверг первый том «Истории» Татищева, с чем Самоквасов также категорически не согласен. Он подчёркивает, что именно первый том «Истории Российской» Татищева, «против которого преимущественно была направлена критика Шлёцера, представляется

нам не учёной компиляцией, а учёным трудом, для своего времени в высшей степени замечательным» [3, с. 79].

Д.Я. Самоквасов считает, что главным недостатком труда Татищева является «не относительная неполнота материала, положенного в его основании, также не недостаток внешней критики источников русской истории, а недостаток внутренней критики исторических памятников или критики древних понятий, выраженных в том или другом историческом известии» [3, с. 82]. Таким образом, мы видим, что Д.Я. Самоквасов гораздо более основательно и подробно попытался охарактеризовать как вклад В.Н. Татищева в русскую историографию, так и особенности его исторических воззрений.

Однако, в отличие от Н.П. Загоскина, он не рассматривает вклад немецких учёных Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и других членов Академии наук в разработку проблем русской истории и в обоснование норманнской теории. Следующей после школы Татищева в русской историографии, по мнению Самоквасова, была школа учёных Шлёцера – Карамзина, и поэтому утверждение норманнской теории в русской исторической науке он связывает в основном с именем Шлёцера.

Самоквасов отмечает, что «ни одно учение... не возбуждало таких разнообразных суждений, как учение Шлёцера» [3, с. 84], так как одни видели в нём «шарлатана, под покровом высшей учёной критики источников преследовавшего в разработке вопросов русской истории не историческую истину, а свои личные цели и патриотические тенденции», а другие «признавали Шлёцера гениальным историком, обладавшим громадными историческими сведениями и необыкновенным критическим талантом» [3, с. 84], и считали, что отступление от его исторических воззрений есть не что иное, как «крайнее невежество» и «учёное еретичество».

В то же время сам Самоквасов подчёркивает, что Шлёцер «не прибавил ничего нового к историческим материалам, собранным до него Байером, Татищевым, Щербатовым, Болтиным» [3, с. 84], поэтому его утверждение о том, что он сорок лет занимался сбором материала по истории Древней Руси, не соответствует действительности: «он не был историком, беспристрастно изучавшим исторические события», и «направленные против него обвинения в эгоизме и субъективных тенденциях, проведённых в русскую историю, совершенно основательны» [3, с. 85].

Вместе с тем Самоквасов отмечал, что основным достоинством исследования Шлёцера о Несторе «представляется... не содержание выраженного в нём исторического мировоззрения (то есть норманнской теории. – В.А.), а впервые и точно сформулированное требование известных приёмов внутренней критики источников, то есть содержание понятий, выраженных словами того или другого исторического известия, которыми, впрочем, не воспользовались надлежащим образом ни сам Шлёцер, ни его ближайшие последователи» [3, с. 87].

При этом Самоквасов подчёркивает, что «в настоящее время трудно понять причину, по которой воззрения Шлёцера долго пользовались абсолютным авторитетом в русской исторической литературе» [3, с. 87–88]. И далее сам же пытается объяснить причины этого явления в отечественной историографии преобладанием немецкого элемента в Академии наук, где были сгруппированы все учёные силы России того времени.

Самоквасов обращает внимание и на то, что воззрения Шлёцера повлияли на исторические взгляды Карамзина. Согласно его точке зрения, преобладающее влияние Шлёцера на историческую концепцию Карамзина объясняется тем обстоятельством, что Карамзин принуждён был представлять первый том своей «Истории государства Российского» Шлёцеру на рассмотрение (см. [3, с. 88]). Данное обстоятельство и способствовало «появлению в его сочинениях массы противоречий, неточностей в заключениях» [3, с. 88]. Особенно это проявилось в освещении ранних периодов русской истории, когда Карамзин пишет о дикости древних русских славян и о начале русской истории со времён Рюрика, «делая уступки необходимые в пользу свидетельств источников», опровергающих доводы Шлёцера, а это, считает Самоквасов, привело к тому, что он «в одних местах своей истории говорит одно, а в других местах другое об одном и том же предмете» [3, с. 88]. Противоречия и неопределённость основных воззрений Карамзина на историю Древней Руси, по мнению Самоквасова, явились причиной того, что впоследствии учёные, принадлежащие к различным направлениям, именно в «Истории государства Российского» находили подтверждение своим теоретическим положениям.

Самоквасов подчёркивает, что именно «Нестор» Шлёцера и «История государства Российского» Карамзина в первой четверти XIX в. «служили основанием университетских курсов и учебников русской истории» [3, с. 89], поэтому молодое поколение было вынуждено заучивать воззрения Шлёцера и Карамзина на историю Древней Руси «как вполне доказанные положения или аксиомы, не требующие доказательств» [3, с. 89]. Это обстоятельство и предопределило громадное влияние школы Шлёцера – Карамзина на формирование исторических воззрений учёных первой половины XIX в.

В отличие от Д.Я. Самоквасова Н.П. Загоскин считает, что новая эра в развитии русской исторической науки XVIII века «наступает в царствование императрицы Екатерины II, которая любила русскую историю, поощряла исторические занятия и даже сама занималась русской историей» [2, с. 29].

Он специально останавливается на характеристике источников «екатерининской эпохи», выделяя из них прежде всего работы М.М. Щербатова, И.Н. Болтина и И.И. Голикова. Мы видим, что если Самоквасов проигнорировал наследие М.М. Щербатова, И.Н. Болтина и И.И. Голикова, посчитав их труды не столь значимыми для развития русской историографии, то Загоскин, напротив, уделил их анализу значительное внимание. Он считал, что из историков «екатерининской эпохи» первое место, бесспорно, принадлежит М.М. Щербатову. Его «История» является первой попыткой изложения русской истории с позиции прагматизма, то есть «такой истории, в которой объясняется связь причин с последствиями, в которой каждое историческое явление находит себе объяснение, причину в предшествовавших явлениях жизни, более или менее отдалённых от исследуемого явления» [2, с. 29].

Загоскин подчёркивает, что, стремясь сделать свою историю прагматической, Щербатов чересчур увлекается этой задачей и нередко «доходит до самых невозможных выводов: так, например, причину покорения русской земли татарами видит он в господстве аскетического идеала в древней русской жизни» [2, с. 30]. Вместе с тем Загоскин констатирует, что «История» Щербатова ценна

благодаря содержащимся в ней многочисленным актам и выпискам из источников, которые уже утрачены для науки.

Более высокую оценку историк даёт И.Н. Болтину, который, с точки зрения Загоскина, стоит выше Щербатова «и по таланту, и по познаниям, и в особенности по критическим приёмам» [2, с. 31]. В то же время Загоскин полагает, что Болтин «может считаться ранним предшественником будущего славянофильского направления русской историографии» [2, с. 31], потому что он выражает «национальное воззрение» на историю русской жизни. Однако суть болтинского «национального воззрения» Загоскин не раскрывает, а только констатирует эту особенность подхода Болтина к русской истории.

Значительно меньше внимания Загоскин уделяет И.И. Голикову. Он считает, что основной заслугой И.И. Голикова является многотомный труд, посвящённый истории правления Петра I. Однако он отмечает, что главным недостатком труда Голикова следует признать отсутствие исторической критики. И тем не менее этот труд весьма важен для исследователей благодаря многочисленным архивным материалам, которые Голиков использовал в процессе написания данной работы.

В отличие от Д.Я. Самоквасова, Н.П. Загоскин наследие Карамзина относит к русской историографии XIX в. и не останавливается на анализе влияния воззрений Шлёцера на историческую концепцию Карамзина. Загоскин отмечает, что «этот труд открыл широкий путь последующим русским историкам» и что он «является не только капитальным историческим сочинением, но и богатой хрестоматией по русской истории» [2, с. 32]. С точки зрения Загоскина, «в этом труде была сведена вся наличность доступного в ту пору материала... дан свод всего предшествовавшего развития русской исторической науки – и ни один исследователь древней русской жизни... не может обойтись в своих работах без пособия Карамзина» [2, с. 32].

Как видим, Загоскин, в отличие от Самоквасова, совершенно не указывает на противоречия и неопределённости в воззрениях Карамзина, а выявляет лишь положительные стороны его «Истории», отмечая строгую последовательность содержания, чистоту и ценность литературного языка. Особую значимость, считает Загоскин, имеют примечания Карамзина к каждому тому его «Истории». Эти примечания, подчёркивает Загоскин, составляют «истинную сокровищницу русского исторического знания» [2, с. 33]. Загоскин обращает внимание на то, что в примечаниях Карамзин делает большое количество выписок из летописей, актов и других источников, причём некоторые наиболее важные тексты им приводятся почти целиком, а поскольку в примечаниях содержится немало извлечений из источников историко-юридического характера, то этот труд является весьма ценным и для историков русского права.

Таким образом, сравнительный анализ воззрений двух выдающихся историков права – Н.П. Загоскина и Д.Я. Самоквасова – на историю исторической науки России только XVIII столетия позволяет утверждать, что при освещении истории становления и развития отечественной историографии исследователям настоятельно необходимо обращать внимание и на работы историков русского права, так как в их трудах содержится немало весьма ценных и интересных наблюдений об особенностях развития исторической науки в России.

Summary

V.V. Astafev. Historical Science of 18th Century Russia in the Evaluation of the Historians of Russian Law.

The article is dedicated to the evaluation of 18th century Russian historiography in the works of the greatest historians of Russian law, N.P. Zagoskin and D.Ya. Samokvasov. We analyze the lecture courses on the history of Russian law and characterize the approaches of the legal historians to the development of historical science in Russia. We make a conclusion about the importance of Zagoskin and Samokvasov's contribution to the study of the history of Russian historiography of the mentioned period. We believe that the works of Russian legal historians should be taken into account when writing papers on the history of historical science in Russia.

Keywords: historians of Russian law, 18th century Russian historiography, historical and legal school, Norman theory, V.N. Tatishchev, G.S. Bayer, G.F. Müller, A.L. Schlözer, I.N. Boltin, M.M. Shchebatov, N.M. Karamzin.

Литература

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 639 с.
2. *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – Т. 1. – 512 с.
3. *Самоквасов Д.Я.* История русского права. – Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1878. – Т. 1: Начала политического быта древнерусских славян. Вып. 1. – 272 с.
4. *Загоскин Н.П.* История русского права: Чит. орд. проф. Н.П. Загоскиным в 1886–1887 уч. году. – Казань: Литогр. Перова, 1887. – 632 с.

Поступила в редакцию
11.12.12

Астафьев Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: v.astaviev@mail.ru